

Оглавление

Глава 1.	<i>Ногти</i>	7
Глава 2.	<i>Аборт</i>	33
Глава 3.	<i>Злые духи</i>	61
Глава 4.	<i>Маленькая художница</i>	88
Глава 5.	<i>Вор горы</i>	110
Глава 6.	<i>Ручка, полная игл</i>	133
Глава 7.	<i>Квота</i>	159
Глава 8.	<i>Чашка Петри</i>	180
Глава 9.	<i>Десять причин</i>	207
Глава 10.	<i>Климакс</i>	226

*Всем,
кто продолжает пытаться.*

ГЛАВА 1

Ногти

Мутный от кондиционированного пара воздух салона разрезал младенческий вой. Я подняла взгляд от книги. Началось.

Я пришла пять минут назад, и уже с порога поняла: сегодняшний визит не задался. У стойки ресепшен стояла похожая на пустую улиточную скорлупу коляска, а подоконник, куда я всегда бросала рюкзак, был занят: там валялась тряпичная сумка, из которой ирокезом торчали подгузники и розовая пеленка. За стойкой было пусто, и пока я вешала плащ, из-за угла показалась пожилая женщина с другой коляской, маленькой —

из тех, что трансформируются в автокресло. Она сосредоточенно качала люльку, откуда высывалась большая лысая голова. Вскоре за стойкой появилась администратор и подтвердила визит: мастер скоро пригласит меня за столик.

Я села на диван, достала из рюкзака книгу и стала притворно водить глазами по строчкам. На самом деле я исподтишка косилась на коляску. Мокрое бордовое лицо младенца исказилось в гримасе. Женщина засюсюкала. Меня взбесила эта экспозиция. Я хотела читать роман, потягивать бесплатную воду, которую незаметно поставит рядом кто-то из сотрудниц салона, не замечать фоновую музыку, а потом пойти к маникюрному столу, усесться в лиловое бархатное кресло и подставить ладони спиртовому спрею. Свободной рукой взять пульт от телека, включить что-нибудь вроде «Бриджит Джонс», чтобы избавить себя от зрелища, как похожий на сверло инструмент будет стирать с поверхности моих ногтей зеленый шеллак. Цвет, который я робко подбирала здесь же три недели назад, думая, что вот-вот забеременею, и гадая, какой оттенок из палитры придется по душе моему будущему ребенку.

Но теперь, когда выяснилось, что моя матка снова подкачала: неделю назад из нее со спазмической болью вышла тонна крови, нарощенного гормонами эндометрия и погибший трехдневный

эмбрион, — этот зеленый обжигал. Надо было избавиться от него, словно слой лака впитал происходившее на протяжении последних недель, как радужка жертвы — портрет убийцы в детективах.

У меня уже возникало схожее чувство насчет лака. После неудачного секса или какого-то пьяного приключения нужно было не только отмыться в душе, выстирать всю одежду и белье, но и избавиться от химического покрытия, ставшего свидетелем моего позора. Сегодня хотелось того же, и чтобы всё прошло как можно скорее. Пролетело мимо сознания на автомате.

Жужжание инструмента не заглушало младенечий визг. Я принялась щелкать пультом. Наверное, мать ребенка сидит в соседнем зале на педикюре, а бабка сторожит чадо. Но почему бы им не пойти гулять по улицам?

Крик усиливался. Я поморщилась и оглянулась на других посетительниц. Они сидели с невозмутимыми физиономиями, словно ничего из ряда вон не происходило. Мне хотелось выразить негодование, но сказать вслух что-нибудь вроде «уймите его», как это делают некоторые люди в самолетах, я не решалась. А злоба — я ведь пришла, чтобы поскорее избавиться от всех напоминаний о произошедшем, а попала прямиком в шоурум бренда «у всех вокруг есть долбаные младенцы, а у тебя нет», — клубилась внутри. Я обшаривала глазами

тетку, уродливые пластиковые погремушки, прикрепленные к коляске, самого ребенка, похожего на резиновую маску Ельцина из передачи «Куклы», и мне хотелось выделить их пунктиром, как в графическом редакторе, и нажать на «Delete».

Руки были в плену у маникюрши, которая проворно снимала лак с моих ногтевых пластин. Пыль летела во все стороны в свете настольной лампы, а я ощущала себя героем «Заводного апельсина» в тот момент, когда его, привязанного, заставили смотреть видеозапись сцен изнасилования под девятую симфонию Бетховена. С завязанными руками я подвергалась такому же бесчеловечному эксперименту — только меня заставляли смотреть на самое естественное, что может быть на этой планете, самое желанное и одновременно ненавидимое мной — на сочащегося слюной и молочным ароматом человеческого детеныша.

* * *

За три недели до этого я сидела в просторном холле клиники репродуктивной медицины. Мягкий свет, окна на Малую Невку, деревянные панели и лампы, по форме напоминающие молекулу ДНК. Это место больше походило на лобби пятизвездочного отеля, чем на медицинское учреждение.

Посетители ожидали своей очереди на длинных диванах, разделенных продолговатыми перегородками. Каждый отрезок между перегородками был рассчитан на двух человек. Очевидно, эргономический прием: чтобы пары могли спокойно шептаться, скрытые от сидящих в других отсеках. Как в Михайловском театре. При свете публика старается не глазеть на обитателей других лож. А как только гигантская хрустальная люстра меркнет, многие бинокли направляются не на сцену, а на незнакомцев напротив. Но если встретить знакомых в театре — приятно, то визит в такую клинику — сродни спиритическому сеансу. Лиц других участников видно быть не должно. Некоторые приходили сюда в темных очках, я не шучу!

Я устроилась на краешке дивана и крутила в руках одну из фирменных ручек, что стояли в стаканчике на столе. Ручка была превосходная: лиловая, с прорезиненным корпусом — такую хватай и кидай в сумку, чтобы с удовольствием писать в блокноте! Тут это, похоже, даже приветствовалось: ручки можно было забирать в качестве сувениров. Я полюбовалась и осторожно опустила ее обратно в стаканчик. На корпусе красовался логотип и вдобавок было напечатано: «Клиника репродуктивной медицины». Достань я такую ручку на совещании, кто-нибудь обязательно обратит

внимание. Или коллега схватит ее с моего стола и поинтересуется. И если не вслух, то подумает что-нибудь про себя. Встревоженно глянет, слегка нахмутив брови, словно я больна чем-то вроде рака и должна проходить курс химиотерапии.

Однажды я присутствовала на собеседовании с женщиной тридцати восьми лет. В финале мой коллега, мужчина, спросил, есть ли у нее дети.

— Нет, — без промедления отрезала она.

В ее глазах на миг возникла ледяная стена — и мне всё стало ясно. Это было не «нет, но точно будут потом» или «нет, хочу пока заниматься карьерой». Это было *то самое* «нет». Мне захотелось пожать ей руку, но я не пошевелилась. ...Потом, когда мы уже долго работали вместе, я поняла, что не ошиблась во время встречи с тайной сестрой, а она поняла то же самое про меня. Но мы никогда не говорили об этом. Всё и так ясно.

Тем более всё было ясно с теми, кто сидел на этом диване меж матерчатых перегородок. Говорят, в советское время, когда люди встречали знакомых в церкви, оправдывались: случайно зашел! Никто здесь не совершал лишних телодвижений, не шлялся по холлу, не брал у всех на виду глянцевого, напечатанные на финской бумаге буклеты.

Я была в клинике уже не один десяток раз — и мало того, что позволяла себе вглядываться

в людей, в этот раз решила взять со стола буклет и показательно начала его листать. Текст рассказывал о донорах спермы. Перед заключением договора можно не только узнать всё о здоровье и истории жизни донора, но даже прослушать запись его голоса и прочитать мотивационное эссе, которое тот написал специально для банка клиники. Хотела бы я заполучить доступ к библиотеке этих текстов...

Мне представился гладко причесанный мужчина в очках и расстегнутом бархатном пиджаке, который усаживается за стол в квартире с видом на Матисов остров, берет со стола лиловую ручку и принимается сочинять эссе для людей, которые станут официальными родителями его будущего ребенка. Ребенка, которого он никогда в жизни не увидит. Он даже не будет знать, существует этот ребенок или нет. Один он или их пятеро. Каков мотив этого дядьки? Не говорите, что деньги, — слишком скучно.

Через двадцать пять лет его сын, рожденный в чужой семье, живущий в Риге, студент программы MBA, найдет в комодке у мамы пожелтевшие листки бумаги — и узнает, что его биологический отец был музыкантом оркестра Мариинского театра, играл на ударных. Ходил с круглым чехлом за спиной и жил рядом с музеем Блока...

Из размышлений меня вырвал голос медсестры, приглашающей на прием. Я вскочила, сунула буклет в рюкзак.

Пора поговорить об очередной попытке зачатия. Моем четвертом ЭКО.

* * *

Впервые о бездетности я услышала лет в десять. Мы с братом проводили каникулы у бабушки в Белоруссии. Дядя, папин младший брат, тогда начал заниматься бизнесом — середина девяностых, у него уже был свой офис... Что они там делали: продавали, покупали или же мutilовали что-то на только что возникшем фондовом рынке, — теперь можно только догадываться. Нас с братом привели в офис на экскурсию, включили комп, дали поиграть в «Поле чудес» или «Вульф» — уже не помню.

Зато очень хорошо помню дядиногo партнера по бизнесу — Володю, или, как его звали все вокруг, Вольдемара. Это был долговязый тип с костлявым лицом, в огромном пиджаке и темных очках. Он громко смеялся, подшучивал надо мной и братом и показал мне фак, спросив, знаю ли я, что это такое. У Вольдемара была невеста, тощая блондинка в красном платье. Она подходила к нему и садилась прямо на колени. Меня напугала их развязность.